

РЕ творчества

Маршруты эстонского искусства

Пярнускому драматическому театру имени Лидии Койдула, прошедшему в Ленинграде десять гастрольных дней, минувшей осенью стукнуло семьдесят пять лет. Последний период его истории связан с Инго Норметом — представителем на редкость яркого поколения эстонской (давно перешагнувшей рамки республики и страны) режиссуры, еще чуть ли не вчера считавшегося молодым, сегодня же ставшего «средним», но и тогда и сейчас стоящего в самом центре многообразной театральной жизни республики.

За десять гастрольных дней пярнуский театр познакомил нас с репертуаром, доселе ленинградцам неизвестным, — ни одно из пяти представленных на афише названий никогда не встречалось на ленинградских рекламных стендах.

Начавший гастроль спектакль «Сказки венского леса» дал нам возможность открыть для себя австрийского писателя Эдэна фон Хорвата; заглянуть в лабораторию современной эстонской драматурии позволил спектакль «Черного кота ночью не заметишь» Оття Кооля; увидели мы и представленную к XXVII партийному съезду пьесу «Ответственность», поразившую в те предсъездовские дни своей небывалой тогда остротой, тем более удивительной, что автор ее — Вальтер Удам — не драматург, а партийный работник, возглавлял и возглавляет партийную организацию Пярнуского района. Познакомились мы и с ирландским драматургом Брайеном Фрилом, чья пьеса «Переводы» еще только начинает свое шествие по мировым сценам. И под самый финал гастроль удивились смелости эстонских гостей, воплотивших на сцене роман братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света».

Столь разный драматур-

Где ищем мы сегодня театральные открытия! Где находим! Все чаще и чаще — не на магистральных путях. Где-то вдали от признанных центров идет своя неспешная жизнь, там-то порой и рождается нечто, сулящее нам радость соприкосновения с душой этой жизни, из недр которой и рождается спектакль.

С ДОВЕРИЕМ И ЛЮБОВЬЮ

гический характер требовал и разности подходов. Выяснилось, что эстонские артисты этим владеют блестяще. Но при всей непохожести спектаклей оказалось, что есть и общее, то, что характеризует позицию театра сегодня, свидетельствует о творческом и человеческом кредо постановщиков. Ну что, казалось бы, общего между страстями, разгоревшимися среди жителей венского предместья в смутные для них, едва наступившие тридцатые годы, и перипетиями «треугольника», сложившегося между двумя братьями и женой одного из них на маленьком эстонском хуторе в наши с вами дни? Но люди — везде люди. И всегда. И законы для души — независимо от времени и обстоятельств — по сути своей неизменны. Во всяком случае должны быть таковы.

История возвращения к истинным ценностям простого человеческого общения — через испытание ценностями мнимыми — в «Сказках венского леса» рассказана средствами яркого, эксцентрического театра, с включением элементов откровенного балагана. Средствами такого театра актеры владеют превосходно — чего стоит хотя бы замечательная сцена в кабаре! Пьеса же о событиях, слу-

чавшихся на хуторе, играется медленно, с чутким проживанием минут и секунд заданного сценического времени. Здесь каждая секунда исполнена поэзии — поэзии жизни в самом естественном и земном ее течении, хотя речь идет здесь о делах и вещах отнюдь не возвышенных.

В мире этом есть всего лишь две вещи, достойные удивления, — помните, как сказал философ, — это звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас. В спектакле «Черного кота ночью не заметишь» между каждой из семи картин вспыхивает и загорается звездное небо — оно одно судья и свидетель того, что случится на хуторе. И хотя события эти земны и просты, путь, пройденный героями, — нелегкий путь. Это опять же возвращение к истинным и единственным ценностям, к тому, что составляет суть человеческую, — способности понять и простить, способности, существующей благодаря тому самому нравственному закону, что жив в человеке земли, в человеке, не предававшем корней своих.

Драматургия эта не претендует ни на какие открытия и жива сожалением о ценностях уходящих и неистребимой надеждой на жизнеспособность этих ценностей. И если в Эстонии

все они до мелких черточек узнаваемы — и молчаливый, добросовестный Руубен, и активный, стремящийся оторваться от корней Свен, и традиционно женственная Мари, — то ведь это все совсем не только в Эстонии. А сколько пластов в безумной старухе Таали, мешающей в своей речи эстонские, русские и немецкие слова, — прямой наек на прошлое, лишившее ее не только ребенка, но и рассудка. Да, конечно, все здесь — и приметы быта, и способы мышления — национальны, потому в Эстонии спектакль идет и воспринимается по-другому. Но есть здесь смысл общечеловеческий — и смысл этот в том нравственном законе, благодаря которому оступившиеся — прозревают и после этого знают, как жить дальше...

Понять и простить — такие необходимые в повседневной жизни умения. Именно это умение Оскара, недалекого мясника из венского предместья, спасло сбившуюся с пути Марианну, оно же вернуло к истине Мари, бывшую детдомовскую девочку, живущую на эстонском хуторе в наши дни. Доброта и терпение спасут мир, вернут ему духовное здоровье, помогут людям остаться людьми — не об этом ли говорят нам спектакли Инго Нормета?

Может быть, и не новы эти истины, но все же в наш агрессивный век так часто недостает этой самой доброты, так часто стремление мстить делает события необратимыми. Потому такой режиссерский акцент кажется своевременным и очень нужным.

Недолго пробыли пярнуские артисты в Ленинграде, но лица — самобытные и запоминающиеся — вписались в ленинградскую театральную панораму, остались в памяти, их хочется смотреть еще и еще — в новых спектаклях, в новых ролях. Среди этих актеров — люди разных поколений — это и старейшая актриса театра Олли Унгвер, это и Арви Халлик, и Лий Тедре, и Мижкель Смелянский, и Тийза Криза, и совершенно удивительная, неповторимая Лайне Мяги...

Т. ОТЮГОВА.
Театральный критик.
Ленинград.